

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-127-134

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А. АСТВАЦАТУРОВА: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВНИ

© *Андрей Феликсович Пантелеев¹, Татьяна Олеговна Мусатова²*

^{1, 2}*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

¹*afpanteleev@sfedu.ru* ²*tmusatova@sfedu.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковой игры в художественной прозе яркого представителя русского постмодернизма Андрея Аствацатурова. В центре внимания в данной статье находятся средства и приемы лексического и словообразовательного уровней, выступающие во взаимодействии друг с другом, а также в комбинации с элементами других уровней языка. Проведенный в ходе исследования анализ показывает, что словообразовательный уровень языковой игры в прозе писателя представлен способами, известными узусу, но не являющимися продуктивными для узуального словообразования. Идиостилю автора свойственны дублирование морфа, отпредложенческое словообразование, словообразовательное наложение; изменение морфемной структуры слова. Лексический уровень языковой игры в прозе Аствацатурова представлен такими приемами, как образование окказионализмов, игра с лексической сочетаемостью, семантические и логические аномалии, обыгрывание прецедентных текстов, игра на уровне пресуппозиции. Игровые манипуляции в текстах произведений А. Аствацатурова выступают как яркие средства языковой игры и отличаются полифункциональностью.

Ключевые слова: языковая игра, авторское словотворчество, редупликация, ресемантизация, лексическая сочетаемость, прецедентный текст.

Для цитирования: Пантелеев А.Ф., Мусатова Т.О. Языковая игра в художественной прозе А. Аствацатурова: лексический и словообразовательный уровни // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 98. № 3. С. 127-134. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-127-134

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Language game in the fiction of A. Astvatsaturov: lexical and word-building levels

© *Andrey F. Panteleev¹, Tatyana O. Musatova²*

^{1, 2}*Southern federal university, Rostov-on-Don, Russian Federation*

¹*afpanteleev@sfedu.ru* ²*tmusatova@sfedu.ru*

Abstract. The article studies the language game in the fiction of Andrey Astvatsaturov, a prominent representative of Russian postmodernism. The focus of this article is on the means and devices of the lexical and word-building levels, interacting with each other, as well as in combination with elements of other language levels. The analysis carried out in the course of the study shows that the word-building level of the language game in the writer's prose is presented in ways codified in the language usage, but not productive for the usual word-building. The author's idiostyle is characterized by morph's duplication, propositional word formation, word formation overlay; change in the morphemic structure of a word. The lexical language of the language game in Astvatsaturov's fiction is represented by such means as the formation of occasionalisms, game with lexical compatibility, semantic and logical anomalies, precedent texts play, game at the level of presupposition. Game manipulations in A. Astvatsaturov's prose act as bright means of a language game and are distinguished by their multifunctionality.

Key words: language game, author's word choice, reduplication, resemantisation, lexical compatibility, precedent text.

For citation: Panteleev A.F., Musatova T.O. Language game in the fiction of A. Astvatsaturov: lexical and word-building levels. *The Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 98. No 3. P. 127-134. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-127-134

Введение

В последние годы XX столетия языковая игра получает широкое распространение в русской лингвокультуре. В основу термина «языковая игра» положено соотношение игровой формы деятельности и вербальной коммуникации. Свобода речевого творчества обусловлена вариативностью языковых средств выражения мысли. Креативная языковая личность употребляет в речи неузусальные образования, искажая языковые принципы, закрепленные нормой. Использование языковой игры в художественной литературе становится фактом писательской самореализации и идиостилия.

Актуальность выбранной темы настоящего исследования обусловлена интересом со стороны современной лингвистической науки к проблеме отношения авторского речетворчества к узусальному и тем, что литературное наследие Андрея Аствацатурова не отделено от реципиента большим временным промежутком, а потому может иллюстрировать современные языковые тенденции.

Обсуждение

В отечественной лингвистике языковая игра интерпретируется как осознанная деятельность, совершаемая в целях творческого эксперимента и намеренного отклонения от языковой нормы [13]. Подобный взгляд на языковую игру разделяют такие ученые, как Е.А. Земская [12], Т.А. Гридина [4; 5], Б.Ю. Норман [17], В.З. Санников [22], В.Г. Дидковская [7] и др., хотя следует признать, что данная точка зрения на проблему сущности этого явления не является общепринятой. Причина отсутствия единого четкого понимания языковой игры в том, что «многоплановость языковой игры делает затруднительным ее непротиворечивое и исчерпывающее определение» [16].

Мы склонны поддержать следующее понимание языковой игры: «Языковая игра – это определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя или читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [23]. Подчеркнем, что языковая игра понимается исследователями русской речи как осознанное и намеренное искажение нормы для достижения образного эффекта. В этом заключено отличие языковой игры от речевой ошибки.

Креативное словотворчество становится чертой идиостилия многих писателей в конце XX столетия – во время социальной и, как следствие, языковой раскованности. Данный период характеризуется нивелированием границ разговорного и художественного, публицистического стиля. Популярность языковой игры во всех сферах деятельности языковой личности XXI века объясняется укоренением эпохи интертекстуальности: «В разговорной речи последних лет встречается любопытное явление: «сплошной» интертекст, когда высказывание формируется из нескольких цитат, слитых в новое смысловое единство» [10, с. 36]. В качестве факторов, вызывающих такую языковую тенденцию, выступают ощущение того, что все уже сказано, желание не проявлять истинное отношение, не показывать собственные чувства, ироническое отношение к окружающему миру, стремление к использованию речевой маски, «коммуникативной стратегии, направленной на достижение результата» [6: 2]. Но использование подобных заготовленных фраз порождает свое «противодействие» – стремление создать свое высказывание, не встречавшийся нигде больше. Так и возникают, как пишет М.В. Захарова, «постоянные попытки разрушения «ожиданий» реципиента, постоянная языковая игра, привлечение ненормативных форм при неспособности (или невозможности) вести игру в пределах литературного языка» [11, с. 162]. Однако следует отметить, что «на современном этапе развития лингвистической науки ресурсы выразительности русского слова видятся в языковой игре интеллигентного автора, в осмысленном нарушении нормы» [20, с. 24]. Инструментом художников слова XXI века становится язык, существующий независимо от человека. К современному периоду развития русской литературы относится и творчество Андрея Аствацатурова: первый роман автора – «Люди в голом» – издается в 2009 году.

Языковая игра в текстах Андрея Аствацатурова связана со всеми уровнями языка. Исследовательский интерес именно к словообразовательному и лексическому уровням языковой игры в прозе обуславливается продуктивностью используемых автором приемов. Коммуникативные ситуации, представленные в произведениях, анализируются в данной работе как включенные в реальность художественного текста.

Словообразовательный уровень языковой игры представлен способами, которые известны узусу, но не являются продуктивными для узуального словообразования. Например, дублирование морфа в слове «замзамначальник» [1] позволяет создать лексическую единицу со значением «заместитель замначальника», что похоже по функции на дублирование приставок со значением предшествования, как в словах «позапозапрошлый», «прапрабабушка» и т.п. Дублирование корня усиливает степень интенсивности действия, обозначаемого инхотативным глаголом «зададакали» [1]. Подобные примеры следует классифицировать как компрессивные окказиональные единицы.

Примечательно, что речевая экономия – одна из ведущих коммуникативных стратегий в игровом художественном дискурсе. Об этом свидетельствуют неоднократно встречаемые примеры отпредложенческого словообразования: «жить-не-по-лжи», «экспонат руками-не-трогать» [2]. При анализе единиц с соединенной семантикой производных лексем, приводящей к компрессии их значений, важен учет иллокутивной силы высказывания. Автор пользуется словообразовательной контаминацией, или словообразовательным наложением: «...однажды вместо слов «Восьмое декабря. Классная работа» написал в тетрадке «Восьмое декабота» [2]. В гибридной лексеме сочетаются усеченные слова, основы которых проникают друг в друга по принципу фузии. Образование такой неузуальной единицы происходит не в целях экономии языковых средств, а как результат когнитивной неудачи героя.

Реализация этого же словообразовательного приема используется в целях намеренного воздействия на собеседника. «Ясен пень, денег хочет. Я ему, слышь, говорю, ты... клятва, <...>, гиппократа!» [2]. Мотивируется процесс взаимопроникновения основ слов «гиппопотам» и «Гиппократ» фонетическим совпадением начальных слогов обеих единиц. Начальная часть слова отсылает к денотату-животному, а конечная – к имени древнегреческого целителя. Удвоенный срединный слог «по» упрочняет соединение двух единиц: он встречается в основе «гиппопотам», тогда как для основы слова «Гиппократ» представляет редупликацию. Подобное обращение к врачу понятно адресату текста, так как в целях создания иронического подтекста оно актуализирует в сознании читателя образ неповоротливого, неловкого человека. Таким образом, языковая игра оказывает влияние на перлокутивный акт, так как невежливое, обидное обращение должно вызвать мгновенную реакцию адресата.

К числу игровых словообразовательных приемов относятся различные изменения морфемной структуры слова. В текстах Аствацатурова подобные изменения имеют характер мгновенных, происходящих в момент словопроизводства, то есть напоминают сопровождающие словообразование морфонологические изменения в производящей основе.

Такие креативные словообразовательные стратегии обновляют лексическое значение узуальной единицы. Образование окказионального имени собственного заставляет пересмотреть морфемную структуру неокказионального: «Одинокий человек совершенно беззащитен. Особенно если это маленький человек. Маленький не в смысле Акакий Акакиевич, Описий Описиевич...» [15]. В качестве словообразовательной мотивации окказионального антропонима выбрана модель, по которой создана единица «Акакий Акакиевич» (с изначально непроизводной единицей «Акакий»). Основа *-акаки-* в контексте словоупотребления перестает быть нечленимой, в ней выделяется корень *-как-* позволяющий сопоставить данную лексему со словом той же тематической группы, имеющим корень *-пис-*. Таким образом, дериват «Описий Описиевич» мотивирован прецедентным именем, приобретшим обновленное значение из-за сдвига в морфемном членении.

Ресемантизация лексемы может быть обусловлена переразложением морфемной структуры, детерминированным соотношением этой лексемы с другим узуальным словом: «моло-

дая жизнь, жизнь-еще-былинка, стала героической сказкой-былью» [15]. Внутри слова, образованного отпредложенческим словообразованием, находится моносемантическое слово «былинка» с нечленимой непроизводной основой, имеющее значение «стебель травы, травинка» [18, с. 65]. Контекст дает основания считать, что данное узуальное значение не актуально в приведенном высказывании. Включение в предложение слова «быль» позволяет рассмотреть «былинку» в качестве однокоренного деривата с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Пара «быль-былинка» иллюстрирует словообразовательную модель, по которой произведены «трость-тростинка», «травка-травинка» и др.

Особенность игровых словообразовательных средств заключается в том, что они чаще всего используются в контаминации со средствами лексического уровня, поскольку связаны с созданием индивидуально-авторских неологизмов. Лексический уровень представлен креативным переосмыслением значений узуальных лексем, созданных по распространенным узуальным словообразовательным моделям.

Центральное место в поле языковой игры в художественной прозе А. Аствацатурова занимает окказиональная лексика. Частотность употребления индивидуально-авторских слов в текстах Аствацатурова объясняется полифункциональностью авторских новообразований. Например, окказионализм «жирмуноид» [1] образован усечением основы антропонима «Жирмунский» и добавлением суффикса -оид- со значением «подобный, изображающий». Эта лексема употребляется в качестве прозвища героя, внука В.М. Жирмунского, что демонстрирует характерологическую функцию окказионализма.

Значительная часть окказиональных единиц создана писателем в соответствии с деривационными нормами русского языка, оттого у адресата текстов прозы А. Аствацатурова не возникает трудностей с семантической интерпретацией подобных единиц, ср.: «неравнодлинные стрелки» (то есть неравные по длине), «альбатросно парить» (то есть как альбатрос) [2]. Название одного из произведений – композита «Скунскамера» [2] – представляет собой языковую игру на основе фонетической омонимии с «кунсткамерой». При помощи сложения образуется окказионализм, ярко характеризующий героя, ищущего «камеру скунсов», некую достопримечательность Петербурга.

Однако в текстах художественной прозы А. Аствацатурова встречаются и слова, для выяснения значения которых требуется пристальное рассмотрение словообразовательной цепочки. Например, очевидно, что в производящую базу для образования прилагательного в словосочетании «пиджачно-тусклые коммунисты» [15] входят единицы «пиджак» и «тусклый». Предположение, что «пиджачно-тусклые» – это те, кто носит тусклые пиджаки, нельзя считать верным, поскольку имена прилагательные с полуслитным написанием образуются от сочинительных сочетаний слов. Нам видится верным относить слово «пиджачно-тусклые» к тому же словообразовательному типу, что и «когтисто-клювастая птица» [15], образованное на базе сочинительного сочетания слов «когтистая и клювастая». Соответственно, окказионализм образован на базе сложения сочетания слов «пиджачные и тусклые». Сочетаемость «тусклые коммунисты» хоть и метафорична, но понятна, а прилагательное «пиджачный» требует отдельного рассмотрения. «Пиджачный» имеет три смысловых вектора к производящему слову: «связанный с пиджаком», «свойственный пиджаку» и «предназначенный для пиджака» [8, с. 98]. Даже расширенный контекст словоупотребления не дает однозначного представления о том, как стоит понимать потенциальную сочетаемость «пиджачные коммунисты». Как отмечается в лингвистике, «окказионализм представляет собой уникальную единицу, зачастую обозначающую совершенно новые понятия» [9, с. 53]. Подобное новое понятие называет и окказионализм «пиджачно-тусклые», что вызывает у адресата текста проблемы с установлением характера значения новой единицы.

Следует отметить связь окказионализмов как элемента лексического уровня и с фонетическим уровнем, который предопределяет по сути игровую потенцию слов. На окказиональные единицы оказывает влияние звуковое совпадение или близость двух лексем, выступающих в качестве словообразовательной базы. Например, языковая игра в слове «запи-

ханка» [2] определяется близостью звуковых комплексов двух глаголов: «запекать», от которого образуется узуальное имя «запеканка», и «запихать», выступающего в качестве производящей базы для появления в тексте окказионализма «запиханка». Поскольку это блюдо было нелюбимым у героя, то запеканку, как можно предположить, ему приходилось есть с неохотой, то есть «запихивать» ее в себя.

Отдельное место в лексической языковой игре занимает обыгрывание словосочетаний, имеющих устойчивую лексическую сочетаемость. Продуктивностью обладает буквализация устойчивого выражения. Главный герой «очень гордился, что у <него> окно не такое, как у всех, не петровское» [2]. В представленном фрагменте или за его пределами не употребляется само крылатое выражение «окно в Европу», но прямая ассоциация с ним возникает из-за варианта перифразы «петровское окно». Далее обыгрывание выражения становится понятным именно благодаря пояснению, почему у героя окно «не петровское»: оно выходило на общежитие для африканцев. В этом отрывке переосмысливается выражение «окно в Европу», которое рассматривается буквально как окно, выходящее на место жительства, конкретно – место, где живут европейцы. Переосмысление основано на метонимическом переносе: житель – место жительства. Если окно выходило на общежитие с африканцами, получается, что, действительно, у героя было окно не в Европу, а в Африку.

Неправильное словоупотребление для прозы Аствацатурова также является продуктивным приемом языковой игры. Искажение традиционного словоупотребления приводит к появлению в текстах прозы писателя оксюморонных выражений. В словарных статьях, посвященных единицам «неизлечимый» и «безнадежный» отмечена их лексическая сочетаемость со словом «болезнь» [18, с. 41, 405]. «Здоровый» и «больной», «болезненный» представляют антонимическую пару [14, с. 126–127], потому словосочетание «неизлечимо, безнадежно здоров» [19] демонстрирует связь противоположных смыслов.

Нарушение лексической сочетаемости может не содержать полярных по своим значениям слов (что характерно для семантической аномалии), но иллюстрировать логическую аномалию. Под логическими понимаются аномалии, которые не вызваны нарушением системных закономерностей языка, но воспринимаются как некие отклонения, ведущие к противоречию или бессмысленности высказывания [21], ср.: «Слушай меня внимателно» [2]. Выбор данной лексемы основан на фонетическом созвучии с «внимательно», заключающемся главным образом в фонетической близости начальных слогов двух слов.

Творческое переосмысление устойчивой лексической сочетаемости реализуется у А. Аствацатурова в воспроизведении хорошо знакомых цитат из произведений, принимаемых за крылатые. Встречается замена одной лексемы, что мотивировано сопровождающей речевой акт ситуацией. Обыгрыванию могут подвергаться и несколько слов, при этом в целях узнавания лексически преобразованной фразы замена происходит с сохранением синтаксической конструкции в целом: «Если карточки разбирают – значит это кому-нибудь нужно...» [15]. Однако встречаются и примеры с искажением синтаксической организации: «Швед – русский, колет, рубит, ржет» [2]. Бессоюзие в оригинальной строчке «швед, русский...» характеризуется перечислительной интонацией, но в трансформированном автором варианте использована разделительная интонация, оформленная на письме с помощью тире, поэтому «русский» становится членом полипропозитивного ряда однородных сказуемых по отношению к субъекту «швед». Такая языковая игра использована для демонстрации бессмысленности высказывания, которое приводит студент на экзамене по литературе, цитируя «Полтаву» Пушкина. Изменение цитаты касается и лексемы «режет», схожей фонетически с использованным глаголом.

В фонд обыгрываемых устойчивых выражений, крылатых фраз попадают и факты фольклора. Например, про институт, в котором есть сотрудники-евреи, сочинено шуточное: «Без окон, без дверей полна горница... еврей!» [1]. Хотя грамматически выбранная форма не подходит для словосочетания, в структуре узнаваемой загадки замена лексемы «людей» на «еврей» объясняется выбором слова нужной тематической группы и рифмой.

Наконец, внимания заслуживают примеры, в которых особенно важным является анализ экстралингвистических факторов и пресуппозиционного компонента высказывания, ср.: «Этот Витя мне очень нравился. Не подумайте только ничего. Он мне виделся не в томас-манновском голубоватом свете («дай карандаш, мальчик, меня дядя Густав зовут, а я тебе за это Венецию покажу»), а в общечеловеческом» [15]. Аллюзия на «Смерть в Венеции» Т. Манна дана очень явно. Учитывая содержание повести, следует рассматривать слово «голубоватый» [23, с. 216] как эвфемизм, отсылающий к лицу нетрадиционной сексуальной ориентации.

Выводы

Таким образом, следует отметить, богатство средств создания языковой игры лексического и словообразовательного уровней в текстах Андрея Аствацатурова. Игровые манипуляции выступают как яркие средства создания языковой игры и отличаются полифункциональностью. Характерная черта художественной прозы писателя – созависимость приемов словообразовательного и лексического уровней. Свойственными идиостиллю Аствацатурова являются непродуктивные для русского словообразования способы производства новых слов: дублирование морфа, отпредложенческое словообразование, словообразовательное наложение; изменение морфемной структуры слова.

Лексический уровень представлен такими приемами, как образование окказионализмов, игра с лексической сочетаемостью, семантические и логические аномалии, обыгрывание прецедентных текстов, игра на уровне пресуппозиции. Можно утверждать, что языковая игра занимает важное место во всех художественных текстах Андрея Аствацатурова. При этом несомненный интерес представляет ее разноуровневая организация.

Список источников

1. *Аствацатуров А.* Не кормите и не трогайте пеликанов. М., 2019. 352 с.
2. *Аствацатуров А.* Скункамера: роман. М., 2021. 256 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.
4. *Гридина Т.А.* Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. 2015. № 25. С. 148–157.
5. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. 214 с.
6. *Гусева А.А.* Речевая маска и речевое самозванство (заметки об идиоме и идиостиле) // Vox. Философский журнал. 2012. № 13. С. 1–10.
7. Дидковская В.Г. Языковая игра в текстах современной литературы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 2 (48). С. 57–61.
8. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2005. Т. 1 (А–Л). 1168 с. – URL: <http://slov.com.ua/efremovoy2/page/lider.43335/>
9. *Захарова О.С.* Окказиональное слово как носитель денотативного и прагматического содержания // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 65–68.
10. *Захарова М.В.* Языковая игра (современный этап) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филологическое образование». 2009. № 1 (2). С. 34–38.
11. *Захарова М.В.* Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка // Знамя. 2006. № 5. С. 159–168.
12. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. 276 с.
13. *Лебедева Е.Б.* Уточнение понятия «Языковая игра» в лингвистике // Язык и культура. 2014. № 4 (28). С. 48–63.
14. *Львов М.Р.* Словарь антонимов русского языка: более 2000 антонимичных пар / Под ред. Л.А. Новикова. 2–е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. 381 с.

15. Люди в голом: роман / Андрей Аствацатуров. М., 2009. 304 с
16. *Николина Н.А., Агеева Е.А.* Языковая игра в структуре современного прозаического текста // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000. 551 с.
17. *Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка. М.: Флинта, Наука, 2006. 344 с.
18. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
19. Осень в карманах: роман в рассказах / Андрей Аствацатуров. М., 2015. 224 с.
20. *Пантелеев А.Ф., Инос А.* Язык рекламы: Графика. Грамматика. Прагматика. М.: РИОР, 2020. 182 с.
21. *Радбиль Т.Б.* Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. 321 с.
22. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.
23. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 695 с.

References

1. *Astvatsaturov A.* Don't Feed or Touch Pelicans. M., 2019. 352 p.
2. *Astvatsaturov A.* Skunkamera: novel. M., 2021. 256 p.
3. The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / Ed. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1535 p.
4. *Gridina T.A.* Associative Potential of a Word as a Base of Linguistic Creativity: Experimental Data // Psycholinguistic Issues. 2015. № 25. P. 148–157.
5. *Gridina T.A.* Language Game: Stereotype and Creation. Ekaterinburg, 1996. 214 p.
6. *Guseva A.A.* Speech Masking and Speech Imposturing (Notes on the Idiom and Idiostyle) // Philosophy Magazine. 2012. № 13. P. 1–10.
7. *Didkovskaya V.G.* Language Game in Modern Literature Texts // Proceedings of Cherepovets State University. 2013. № 2 (48). P. 57–61.
8. *Efremova T.F.* The Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language. M.: ACT, 2005. T. 1 (A–L). 1168 p. – URL: <http://slov.com.ua/efremovoy2/page/lider.43335/>
9. *Zakharova O.S.* Occasional Word as a Carrier of Denotative and Pragmatic Content // Proceedings RUDN. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2013. № 2. P. 65–68.
10. *Zakharova M.V.* Language Game (Modern Stage) // Proceedings of Moscow State Pedagogical University. Series: “Philological Education”. 2009. № 1 (2). P. 34–38.
11. *Zakharova M.V.* Language Game as a Fact of Modern Stage of the Russian Literary Language Development // Znamya. 2006. № 5. С. 159–168.
12. *Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Shiryayev E.N.* Russian Colloquial Speech: Gen. quest. Word-building. Syntax. M., 1981. 276 p.
13. *Lebedeva E.B.* Specifying the notion “Language Game” in Linguistics // Language and Culture. 2014. № 4 (28). P. 48–63.
14. *Lvov M.R.* The Dictionary of the Russian Language Antonyms: Over 2000 Antonym Pairs / Ed, L.A. Novikov. 2nd ed., Corr. and Enl. M.: Rus. Lang., 1984. 381 p.
15. People in the Nude: Novel / Andrey Astvatsaturov. M., 2009. 304 p.
16. *Nikolina N.A., Ageeva E.A.* Language Game in the Structure of Modern Prose // Russian language Today. Edition 1. M., 2000. 551 p.
17. *Norman B.Y.* Playing on the Language Edges. M., 2006. 344 p.

18. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Y.* Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 words and phraseological units. 4th ed., Enlarged. M.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 p.
19. Autumn in Pockets: Novel in Short Stories / Andrey Astvatsaturov. M., 2015. 224 p.
20. *Panteleev A.F., Inos A.* Language of Advertising: Graphics. Grammar. Pragmatics. M.: RIOR, 2020. 182 p.
21. *Radbill T.B.* Language Anomalies in a Fiction Text: Andrey Platonov and Others. 2nd ed. M.: Flinta, 2012. 321 p.
22. *Sannikov V.Z.* Russian Language Through the Prism of a Language Game. M.: Languages of the Russian Culture, 1999. 544 p.
23. Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language / Ed. M.N. Kozhina. 2nd ed., Corr. and Enl. M.: Flinta: Nauka, 2006. 695 p.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 30.03.2023.

The article was submitted 15.03.2023; approved after reviewing 23.03.2023; accepted for publication 30.03.2023.